

Если бы дѣло обошлось только одними интимными отношениями между Анисьей и Никитой, то, чего доброго, практическихъ дурныхъ результатовъ для послѣдняго и не воспослѣдовало бы: Никита могъ бы пожалуй ферлакурничать съ своей хозяйкой—даже и съ вѣдома (подъ конецъ) добродушнаго и умнаго Петра, который отлично понималъ, въ какое безотрадное и почти безвыходное положеніе поставила молодую красивую Анисью его продолжительная болѣзнь. Случись такъ въ дѣйствительности—что можно съ большой вѣроятностью предположить—и драмы бы никакой пожалуй не произошло, и Никита, погрѣшившій сразу противъ 7-й и 10-й заповѣдей, совсѣмъ и не оказался бы въ положеніи злосчастной погибшей итички, спервоначалу увязившей *лишь одинъ холотокъ свой*.

Преступная связь Никиты съ Анисьей только потому оказалась гибельной по своимъ послѣдствіямъ для первого, что послужила причиной нарушенія обѣщанія жениться, даннаго имъ раньше—до поступленія въ батраки къ Петру—одной, отдавшейся ему—за это самое обѣщаніе—„хорошай, дюже хорошей“ (?) дѣвкѣ—сиротѣ, Маринѣ.

Драму началъ родитель Никиты Акимъ, пріѣхавшій съ своей женой Матреною къ сыну для того, чтобы побудить его не обижать сироты, а сдержать свое обѣщаніе—жениться на ней.

Акимомъ, служащимъ въ обществѣ ассенизаціи—пока еще на самыхъ низшихъ іерархическихъ ступеняхъ—графъ Толстой, между прочимъ, очевидно, хотѣлъ доказать своимъ простымъ читателямъ и зрителямъ ту вѣрную и симпатичную мысль, что не мѣсто краситъ человѣка, а человѣкъ мѣсто. Уже съ самаго первого появленія Акима, съ первыхъ его словъ для всякаго является яснымъ и безспорнымъ, что въ немъ то именно и лежитъ ключъ къ *надлежашему* пониманію, долженствующихъ совершаться впереди, событій.

Акимъ представляеть изъ себя въ драмѣ единственный источникъ свѣта, долженствующій давать ей извѣстное освѣщеніе.

Побудительная причина, заставившая Акима настоятельно попытать сына къ женитьбѣ на Маринѣ—это простое желаніе ему добра. По нравственнымъ убѣжденіямъ Акима, человѣкъ, обидѣвшій себѣ подобнаго, не имѣть права на счастье на землѣ: Богъ отступится отъ такого человѣка, потому что горе обиженнаго громко вопіетъ къ небу. Вотъ весь нравственный кодексъ Акима; онъ весьма не сложенъ и простъ, но въ немъ—вся соль христіанскаго ученія.

Невзрачный, простоватый, до смѣшного не велерѣчивый, добывающій къ тому же себѣ кусокъ хлѣба самою жалкою—